

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра общего литературоведения и журналистики

**«А.П. Селивановский в контексте литературно-общественной ситуации
1930-х годов»**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студента 4 курса 411 группы
направления 45.03.01 «Филология» (профиль «Отечественная филология
(Русский язык и литература)»)
Института филологии и журналистики
Чернышова Александра Михайловича

Научный руководитель
д. филол. н., профессор

Е.Г. Елина

Зав. кафедрой
д. филол. н., профессор

В.В. Прозоров

Саратов
2023

Введение. Деятельность Алексея Павловича Селивановского приходится на бурное время в истории отечественной литературы, и связана работа критика с самой мощной и массовой литературной группой – Российской Ассоциацией Пролетарских Писателей (РАПП).

Селивановский печатался в самых различных изданиях. Это были и рапповские журналы («На литературном посту», «Молодая гвардия», «Октябрь»), и журналы с более свободной позицией («Новый мир», «Журналист»). В 1931–1932 годах Селивановский выступил в качестве ответственного редактора «Литературной газеты». После Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» критик публиковался в «Литературной учебе» и «Литературном критике».

Помимо многочисленных статей и рецензий, общественности известны несколько книг Селивановского. Мы обращаемся к книгам «Поэзия и поэты» 1933 года и «Очерки по истории русской советской поэзии» 1936 года.

Целью нашей работы является выявление особенностей литературно-критической манеры Алексея Селивановского, влияние общественной и литературной жизни страны на творчество критика.

Для достижения поставленной цели решено несколько **задач**:

1. проанализировать публикации Селивановского в периодических изданиях — «Литературная газета» и «Новый мир»;
2. изучить редакционную политику Селивановского на материале «Литературной газеты» 1931-1932 годов;
3. проследить влияние общественной и литературной жизни на тексты статей критика и выявить причины изменения пафоса и стилистики этих публикаций.

Объектом исследования является творческая манера Алексея Селивановского в период с 1931 года по 1936 год. Таким образом, **предметом** изучения становятся одни из последних работ Селивановского перед Постановлением ЦК ВКП(б), поздние труды критика и редакторская

политика в период работы ответственным редактором в «Литературной газете». Такой подбор материала позволяет показать изменения в творческой манере Селивановского и попытаться их объяснить.

Актуальность темы лежит в плоскости неослабевающего интереса современного литературоведения к литературно-общественно ситуации и истории бурных 1920-30-х годов. Интерес к теме связан со стремлением постичь и осмыслить специфику творческой индивидуальности одного из заметных авторов литературного процесса этого времени, соотнести, обращаясь к творчеству Селивановского, черты авторского сознания и требований эпохи, понять причины огромной популярности критика в 1930-е годы и быстрого его забвения в последующие периоды литературной истории.

Научная **новизна** исследования заключается в недостаточной изученности творческой манеры и деятельности Селивановского. Впервые предпринимается попытка обратиться к критику как к журналисту и публицисту на примере его работы в «Литературной газете» и в журнале «Новый мир». К тому же мы обращаемся к редакционной политике Селивановского, когда он занял пост ответственного редактора «Литературной газеты». Проанализированы монографические статьи критика, в ходе работы выявляются индивидуальные черты его художественной манеры и общие тенденции, характерные для большей части критического цеха эпохи. Новизна заключается в нахождении ряда переработанных статей критика, которые в предлагаемой работе подверглись текстологическому анализу.

Структура работы представляет Введение, Основную часть, Заключение и Библиографический список. Основная часть состоит из двух глав. Первая глава посвящена публикациям Селивановского в «Литературной газете» и «Новом мире» и его редакционной политике в «Литературной газете». Вторая глава посвящена влиянию общественной и литературной жизни на творчество Селивановского, что выявляется через факт

авторедктирования текстов. В Заключении подводятся итоги исследования, обозначаются его перспективы.

Основное содержание работы. В Главе 1 ВКР рассмотрена деятельность Селивановского как литературного журналиста и публициста.

Известность Селивановский приобретал в самых различных изданиях 1920-30-х годов. Свою работу в Москве он начал в журнале «На литературном посту» в 1926 году, где публиковались рецензии критика. Критик печатался во многих известных изданиях данного периода: в журналах «Новый мир», «Молодая гвардия», «Литературная учеба», «Красная новь», «Знамя», «Октябрь», «Литературный критик», «Журналист» и в газетах: «Известия», «Литературная газета».

В работе рассмотрены статьи «Литературной газеты» в выпусках с 27 октября 1931 года по 17 мая 1932 года, когда критик занимал должность ответственного редактора издания. За этот период в газете публикуется ряд трудов Селивановского.

Для этих работ характерно отсутствие «нейтралитета», так как Селивановский часто дает наставления авторам, судит их с точки зрения правильного и неправильного.

Прослеживается характерная черта для Селивановского – он рассматривает автора в контексте его творчества, критик обращает внимание не только на написанные художником произведения, но и на его душевное состояние в этот период.

Определяются в этих работах ключевые программные положения Селивановского как критика и популяризатора советской литературы. Критик настаивает на изображении действительности, он выступает против «нарочитого обеднения действительности»[3, с. 3], что отмечено им в «Электрозаводской газете» И. Сельвинского. В этой же статье Селивановский определяет свое отношение к искусству вообще. Оно, по его мнению, «живо тогда, когда ему доступна «бездна оттенков» живой действительности»[3, с. 3].

В «Новом мире» статьи Селивановского стали появляться после постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года. Статьи Селивановского в «Новом мире» выходили с января 1933 г. по июнь 1933 г.

В статье «Тысяча девятьсот тридцать второй» явно прослеживается ориентация на классика русской критики – В.Г. Белинского. Текст открывается с прямой цитаты Белинского: «Вся надежда на будущее. Наука у нас, видимо, принимается...»[4, с. 231] и т.д. Селивановский не раз обращался к теме традиций XIX в., призывая советских писателей учитывать опыт прошедших времён и учиться у классиков.

Основной критерий оценки в этот период определяется идеологической составляющей текстов. Так, например, произведения писателей-попутчиков Селивановский называет «отписками».

Реализуется в этих статьях мотив учебы. «Поражение» автора – не всегда явление отрицательное. Ведь пролетарский критик, раскрывая «ошибки» одного автора, обращается к другим творцам, «предостерегает» писателей от «опасностей», от «ненужных» и «вредных» тем.

Селивановский обращается и к эстетической стороне текста. Критик отмечает особенность функционирования документов в романе П. Павленко «Баррикады», которые превращаются в «художественную деталь»[4, с. 242], воплощаются в жанровых сценах и растворяются в диалогах. В «России, кровью умытой» Артёма Весёлого Селивановский отмечает «различие языковых струй»[4, с. 245]. В его стиле прослеживается простота, ясность и попытка ведения прямого диалога с читателем.

Рассуждения критика связаны с явлением социалистического реализма, он пытается обнаружить его черты и границы. Селивановский обращается и к другим проблемам – например, его интересует развитие жанра очерка, изменения в тематике советской литературы.

Проанализирована редакторская политика Селивановского в «Литературной газете». В издании освещается призыв иностранных рабочих

в литературу и создание иностранных секций большевистской литературы, чем редколлегия демонстрирует широкий охват поэтов и прозаиков-социалистов, которые разбросаны по всему миру, продолжая укреплять ряды пролетарских авторов.

Важной задачей для «Литературной газеты» стали публикации на тему «Истории фабрик и заводов». На страницах «Литературной газеты» освещался начальный этап разработки «Истории». Как ответственный редактор, Селивановский не мог не помещать статьи о таком важном труде, который поддерживался властью, что отражает постановление ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 года об издании сборников «Истории заводов».

Селивановский не раз допускал статьи, направленные против врагов пролетарской литературы, например, «Буржуазная опасность в литературе» (№59, 1931 г.), «Ликвидировать остатки литфронтовщины, ревякинщины, воронщины» (№59, 1931 г.).

Одна из важных рубрик, введенных при Селивановском – «Творческий смотр молодежной литературы». Произведения неопытных писателей попадали в один ряд с уже известными и крупными литераторами, как А. Фадеев или М. Шолохов.

На страницах издания периодически появляются стихотворения и отрывки из произведений различных авторов. Нетрудно заметить, что по большей части в «Литературной газете» публиковались переводы с иностранных языков.

«Литературная газета» под редакцией Селивановского продолжала оставаться крупнейшим литературно-политическим органом. Заметные, очень частые появления РАПП и ее сотрудников на страницах газеты наводят на мысль о поглощении РАППом и «Литературной газеты».

Промедление с публикацией постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля вкупе с признанными редколлегией ошибками навеяли на редколлегию, но особенно на Селивановского подозрения, которые позже и сломят его жизнь.

В главе 2 ВКР рассмотрены переработанные статьи Селивановского о Владимире Луговском и Эдуарде Багрицком.

Статья о Владимире Луговском представлена в трех вариантах – текст из 1 выпуска «Литературной учебы» 1933 года, из «Поэтов и поэзии» Селивановского 1933 года и из «Очерков по истории русской советской поэзии» критика 1936 года.

В работе рассмотрены статья 1933 года из сборника «Поэты и поэзия» и работа 1936 года из «Очерков», так как эти тексты существенно отличаются.

Как яркие черты в тексте 1933 года отмечены логичность построения текста (глава-«зигзаг»), доказательство выдвинутых тезисов с помощью привлечения образа ветра в творчестве Луговского, рассмотрение общественных действий поэта и его психологического состояния.

Селивановскому в этой статье присущ авторитаризм. Критик, например, не соглашается с высказыванием И. Сельвинского и называет его «шаманствующим поэтом». Более полемика не развивается.

Критик рассматривает весь творческий путь Луговского, фиксирует изменения в поэтике текстов художника, изменения в его душевном состоянии, вскрывает противоречия личности поэта.

Селивановский обращается к эстетическому анализу текста. Так, например, критик определяет особенности стихотворения «Жестокое пробуждение»: «В нём мы видим единство замысла, стройность композиции – не только «кольцо», но систему «колец», широкое поэтическое дыхание, постоянное нарастание мотива от любовно-детских воспоминаний до проклятия»[1, с. 90].

Селивановскому не чужд глубокий лиризм Луговского. Он замечает его исчезновение и понимает, что именно «теплого лиризма» не хватает поэту. «Схематизацию» в поэзии Луговского Селивановский обнаруживает именно в отсутствии лиризма. Борьба со схематизацией выступает сквозным мотивом в творчестве критика. Селивановский ратует за живого человека и

конкретную биографию в творчестве поэтов и прозаиков. В схематичности он находит отсутствие искренности автора. Критик понимает, что лиризм может быть не только чертой типичного интеллигента-индивидуалиста, но и мощным оружием поэта социализма.

По ходу статьи Селивановский выстраивает идеологическую концепцию и пытается определить границы социалистического реализма. В конце статьи Селивановский пишет: «Художественная манера, отысканная им, с ее реалистической выпуклостью, философской направленностью, элементами сюжетного построения, тягой к созданию социальных характеров, пейзажностью, связью между отвлеченными проблемами и конкретной практикой сегодняшнего дня, позволяет использовать разнообразнейшие поэтические жанры, пускать в ход разнообразнейшие виды поэтических приемов»[1, с. 121]. Это перечисление особенностей художественной манеры Луговского и есть программа Селивановского по становлению метода социалистического реализма.

Однако в тексте 1936 года все эти черты исчезают. Текст значительно сокращен, структура его теряется. Изменения бросаются в глаза и на стилистическом уровне: «зигзаги» превращаются в этапы. Из рассуждений Селивановского остаётся только обращение к метрике.

Зато в этом тексте отмечен классический прием советской критики – ссылка на авторитет. Так, Селивановский сравнивает Луговского с Маяковским, которого И.В. Сталин объявил талантливейшим поэтом советской эпохи.

Если в статье 1933 года Селивановский предстал перед читателем и как человек своего времени, который борется за пролетарскую поэзию, и как самобытный критик, который сам определяет направление своего творчества и критической мысли, то в статье 1936 года исчезает всякая самобытность и остаются лишь ее отголоски, которые говорят о заглушающемся голосе критика с его индивидуальной художественной манерой.

Подобная ситуация отмечена и со статьями Селивановского об Эдуарде Багрицком. Статья критика «Эдуард Багрицкий» появилась на страницах журнала «Новый мир» в 6 номере 1933 года. Позднее эта статья включается в сборник литературно-критических статей Селивановского «Поэты и поэзия» 1933 года. Принципиально новых мыслей он не добавляет, лишь дополняет и уточняет содержание. В 1936 году появляется сборник Селивановского «Очерки по истории русской советской поэзии», где статья об Эдуарде Багрицком предстает в ином виде – она значительно сокращена, переработана, однако своего основного литературно-критического пафоса она не теряет. Более того, Селивановский дополняет статью новыми рассуждениями, опуская некоторые прежние.

Как и в статье о Луговском, Селивановский создает четкую конструкцию: дает эпиграф, разделяет на главы, в которых рассматривает точки развития Багрицкого-поэта.

Важной чертой художественной манеры Селивановского является умение критика вникнуть в психологию поэта. Чтобы показать путь какого-либо поэта, который меняет направление своего творчества, Селивановскому важно вникнуть в образ его мышления, понять мировоззрение и объяснить произошедшие с ним изменения. Селивановский обращается к романтизму Багрицкого не как к литературному направлению, в котором творит поэт, а именно как к мировоззрению, которым живет Багрицкий.

Селивановский находит присущие романтизму черты не только в произведениях поэта, он устанавливает корни романтизма из детства поэта.

В отличие от статьи о Луговском, эта работа посвящена идейно-художественному анализу произведений Багрицкого. Анализу поддается и опера на «Думы про Опанаса», критик сопоставляет печатную и оперную версию, выводит их различия.

Вновь критик проходит по образам поэта, демонстрируя «эволюцию» мотивов автора: «Нет, это уже не Дидель песни поет и ловит птиц, это уже не молодой гидрограф бесшабашно несется под пулями

басмачей, – здесь утверждается воля, переделывающая мир, покоряющая природу. Здесь перед нами уже один из героев нашего времени, один из победителей жизни»[6, с. 62].

В статье «Эдуард Багрицкий» Селивановский обращается ко многим особенностям стиля Багрицкого и художественным средствам, которые использует поэт. У раннего Багрицкого критик отмечает «верность литературным канонам», «торжественные и плавные ритмы», «суровый отбор словесного материала», «схематичность» и «неконкретность» утверждений. Селивановский выделяет иронию в арсенале Багрицкого, который поэт направляет против своего же раннего творчества.

В рассуждениях Селивановского о Багрицком ярко проявляется вульгарно-социологические оценки. Так, критик дает оценку поэзии А.А. Фета («сладенькая розовая каша из всепримиряющего, скопческого отношения к действительности»[6, с. 59]) и М. Волошина («сплошной серый туман, в котором расплываются очертания образов»[6, с. 59]).

Размышления Селивановского направлены на формирование вкуса у читателя. Он рассуждает об «элементах условности», которые встречаются в поэтических текстах, призывает обращать внимание на внутренний мир героев.

Статья о Багрицком построена на принципе контраста. Следуя этой традиции романтизма, критик открывает статью с противопоставления Багрицкого всей пролетарской литературе.

Центральным нововведением в статье 1936 года становится программное положение, которым Селивановский дополняет метод социалистического реализма. По мнению критика, Багрицкий отказывается от «прежнего» романтизма и приходит к «новому» романтизму, который изменился в корне: «И здесь романтизм перестает быть художественным методом, отличным от метода социалистического реализма, и становится *стилем поэзии, выступающей под знаком метода социалистического реализма*»[5, с. 547]. Селивановский одной фразой превращает всех поэтов-

романтиков в «друзей» социалистического реализма, расширяя поле метода соцреализма. Однако это положение соответствовало принятым постулатам социалистического реализма, так как о революционном реализме говорил сам М. Горький.

Как в статьях о Луговском, так и в статьях о Багрицком заметно упрощается, редуцируется индивидуальность Селивановского. Он по какой-то причине пересматривает свои взгляды на тех же авторов через три года, хотя советская литература продолжает развиваться, появляются новые произведения, которые критик, как обозреватель и автор многих рецензий, не мог не заметить.

Причин переработать статьи было несколько. Во-первых, Селивановский начинает формировать свои постулаты социалистического реализма до съезда Союза советских писателей в 1934 году и выступления на этом съезде Максима Горького. Как мы увидели, из всей программы Селивановского не осталось ни одного пункта, зато явилось другое положение в «Эдуарде Багрицком», к которому крайне положительно относился М. Горький.

Во-вторых, Селивановский подозревал о надвигающихся на него гонениях. Он однозначно исчез из журнала «Новый мир» ещё в 1933 году, когда один из критиков – П. Рожков, стал на него нападать в своих статьях. В активе «Нового мира» обсуждали хвалебные отзывы Селивановского о рассказах Пикеля, который был арестован в июне 1936 года. После ареста Пикеля, в том же 1936 году, Селивановского исключили из партии, а в 1937 году арестовали, ссылаясь на критика как на «двурушника». В довесок идут старые обиды – присутствие Селивановского в правлении РАПП под крылом Л. Авербаха и ошибка в связи с «Постановлением о перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года, которое он своевременно не опубликовал и не откомментировал в «Литературной газете» в качестве ответственного редактора.

Вероятно, Селивановский попытался убрать из своих статей всё, что могло бы вызвать сомнения в его приверженности к социализму. Он находил свою вину в статьях «Поэтов и поэзии», а участники «Нового мира» – в статьях «Литературной учёбы», в которых Селивановский обращался к «бандиту» Пикелю.

Заключение. Обратившись к текстам Селивановского и его редакторской политике в «Литературной газете», мы по крупицам складываем образ противоречивой фигуры бурной эпохи формирования пролетарской литературы.

С одной стороны, мы отмечаем самобытность критика в эпоху массовой литературы и критики. Селивановский бережно обращается к текстам поэтов, отмечая классовое разделение и идеологическое содержание. Его волнует психологическое состояние поэта, в стихах художника критик находит отражение души автора, с помощью текстов объясняя, какую «эволюцию» проходит тот или иной поэт. Тут же мы видим, что Селивановский отмечает «эволюцию» авторов, к которым он обращается, в сторону социализма. Однако газетные статьи Селивановского, которые были написаны до Постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», значительно отличаются от его поздних работ. Жесткий, бескомпромиссный, ироничный, Селивановский нападает на уже известных и только начинающих авторов. Он обращается к текстам, чутко подмечает их художественные особенности, однако авторитаризм критика не заметить сложно.

Поэтическая чуткость Селивановского кажется нам очевидной. Его трепетное обращение к текстам Луговского не может оставить читателя равнодушным. Признание Селивановским «Жестокого пробуждения» Луговского как стихотворения глубоко лирического приведет позднее, когда критика уже арестуют, к нападкам на поэта, и ему придется извиняться за свои «деяния».

Противоречивость Селивановского отражается в его редакционной политике в «Литературной газете». С одной стороны, это полное подчинение диктатуре РАПП, сообщения о которой каждый выпуск заполняли пространство издания. Но с другой стороны – это публикация малоизвестных поэтов, например, В. Луговского и Ю. Черкасского, переводы иностранной поэзии.

Перспективы исследования обширны. Мы обращаемся к позднему творчеству Селивановского. В дальнейшем предметом нашего исследования могут стать работы периода с 1926 по 1932, когда Селивановский активно сотрудничает в РАПП и в их изданиях. Важно изучить организаторскую деятельность критика, его выступления на пленумах ассоциации и вклад в эту группу. Не изучена пока работа Селивановского дорапповского периода, когда он сотрудничал в газете Донбасса «Всероссийская кочегарка» и выступал редактором журнала «Забой».

Обращаясь к творческой манере и взглядам Селивановского, мы не можем обойтись без сопоставления критика с ключевыми носителями идей эпохи, такими как Л. Троцкий, В.П. Полонский, А.К. Воронский. Известно, что до московского периода Селивановский проявлял положительное отношение к писателям-попутчикам и призывал поддерживать их, в чем определенно сказалось влияние Воронского.

К тому же известно, что деятельность Селивановского сыграла ключевую роль в создании ВОАПП (Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей), объединения, которое впитало в себя РАПП и все остальные АПП Советского Союза. Дальнейшие действия Селивановского в этом направлении не рассмотрены и нуждаются в разработке.

Изучение деятельности Алексея Селивановского поможет разобраться в бурном и запутанном литературном процессе 1920–30-х годов. Нельзя с точностью сказать, с чьими судьбами был связан этот критик, на каких авторов он повлиял и кого открыл читателю. Его критическая манера обнаруживает существенные несостыковки с политикой РАПП. Не все так

однообразно, и не все рапповцы были одинаковыми – находились в их цеху и светлые идеи, и интересные задумки, и уникальные личности.

Библиографический список.

1. Селивановский, А. Владимир Луговской / А. Селивановский // Поэты и поэзия: Критические статьи. — М., 1933. — С. 81-121.
2. Селивановский, А. Большевицкому Уралу — большевицкую литературу/ А. Селивановский// Литературная газета. — 1932. — №174.
3. Селивановский, А. Творческий метод Чуба/ А. Селивановский// Литературная газета. — 1931. — №160.
4. Селивановский, А. Тысяча девятьсот тридцать второй / А. Селивановский // Новый мир. — 1933. — № 1. — С. 230-261.
5. Селивановский, А. Эдуард Багрицкий/ А. Селивановский// В литературных боях: Избранные статьи и исследования. — М.: Советский писатель, 1963. — С. 532-548.
6. Селивановский, А. Эдуард Багрицкий/ А. Селивановский// Поэты и поэзия: Критические статьи. — М.: Советский читатель, 1933. — С. 31-80.
- 7.